ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, 2014, № 3, с. 103–110

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 910.3

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ И СЪЕМКИ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

© 2014 г. В.Э. Булатов

Государственный Исторический музей

Поступила в редакцию 09.01.2014 г.

В XVIII в. русская политика на Каспии была весьма активной, причем пики активности пришлись на царствования Петра I и Екатерины II.

Пётр I придавал большое значение развитию русской торговли через Каспийское море, как путь на рынки не только Персии, но также Средней Азии и Индии. По этой причине он постоянно финансировал проведение исследовательских экспедиций у берегов Каспия даже в тяжёлых финансовых условиях Северной войны. По словам Ф.И. Соймонова, эти исследования *чинились не для одного только любопытства, но и в том полезном намерении, чтоб границы государства своего привести в безопасность и показать подданным своим новую отрасль купечества по разным азиатским провинциям* [11, с. 8]. Не следует забывать и о другой, пусть не декларированной причине съемок: составление карт потенциального театра военных действий. Персидский поход, в ходе которого большую роль играл флот, стал последним крупным внешнеполитическим деянием первого российского императора.

Хотя после Персидского похода Петра I южный берег Каспийского моря был формально присоединен к империи, фактически территория под контролем России не простиралась на восток далее Решта, занятого в декабре 1722 г. небольшой эскадрой под командованием капитан-лейтенанта Ф.И. Соймонова; десантом командовал полковник Н.М. Шипов. Продвижение русских границ на юг стало возможным благодаря тому, что в результате восстания афганских племён Персия находилась в состоянии анархии.

После смерти Петра I русское правительство отказалось от широкомасштабных, но дорогостоящих планов создания колоний на южном берегу Каспийского моря. Рештским трактатом 21 января 1732 г. Персии была возвращена часть земель южного Прикаспия; по Гянджинскому договору от 10 марта 1735 г. Надир-шаху (1736–1747) были возвращены все завоевания Петра I, за что шах выступал союзником России в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

В 1745 г. бывший Астраханский губернатор тайный советник В.Н. Татищев, которому в 1737 г. было поручено сочинить географию Российской империи, предложил Адмиралтейской коллегии снять недостаточно изученный восточный берег Каспия. Коллегия поддержала предложение Татищева [3, с. 391]. 10 июля 1760 г. конференция при дворе Ее Императорского Величества Елизаветы Петровны рассмотрела вопрос о незаселенных островах на берегах Каспийского моря и рекомендовала сенату составить список и карту мест, пригодных для устройства на них русских колоний. Однако ни Сенат, ни Адмиралтейская коллегия не приступили к выполнению этой трудоемкой работы. Лишь после того, как к власти пришла Екатерина II, вопрос снова встал на повестку дня. В 1763 г. он был рассмотрен в Сенате и Адмиралтейской коллегии; и было принято решение направить экспедицию [3, ч. 11, с. 61–62].

Экспедиция под общим руководством капитана Астраханского порта Ивана Андреевича Токмачева провела 1764 г., описывая восточный берег Каспия в поисках мест, годных для основания крепостей. Выбор на должность начальника экспедиции И.А. Токмачева был не случаен: за годы своей службы на Каспии он уже успел обойти его западные и южные берега. И.А. Токмачев описывал восточный берег Каспия от мыса Тюк-Каган на юг до персидской границы. Для береговой описи от Тюк-Кагана вдоль северо-восточного берега Каспийского моря в Астрахань из Кронштадта были командированы штурман ранга поручика Иван

Панин и штурман ранга прапорщика Иван Матвеев. Особое внимание при съемке уделяли поиску глубоководных гаваней, описанию их грунтов и ледового режима, источников пресной воды, леса, плодородных земель для основания поселений [3, ч. 11, с. 126–127]. Хотя начавшаяся в 1768 г. война с Турцией затруднила активные действия на Каспийском море, Екатерина II не забывала об этой акватории. В 1770 г. она вновь затребовала от губернатора генерал-майора Н.А. Бекетова описание Каспийского моря и устий всех впадающих в него рек с промером глубин. И.А. Токмачев по поручению губернатора составил новую карту и отослал ее в Петербург. Как писал сам Токмачев, в 1764 г. он *упражнялся в секретной экспедиции на каспийском море, исследуя прежде бывшие в Хиву проходы, входил в самые по тамошним вредным воздухам опаснейшие места, и чрез то из бывших в команде моей офицеров и рядовых многие от такой заразы померли, да и я по приключении мне тяжкой болезни едва не лишился жизни, от коей и ныне стражду, и потому в отчаянии оной, не сверша врученного мне дела принужден был возвратиться обратно в Астрахань, а уже кончил оное по получении мне некоторого отличия в 1765 году благополучно; а сверх того некоторые другие места вновь приобретенные в персидской стороне мною описаны, чему карты и журналы в Адмиралтейскую коллегию представлены*[1].

Экспедиция Токмачева была одним из проявлений активизации русской внешней политики на Каспии при Екатерине II. По мнению некоторых историков, планы России были весьма агрессивны: так, Б.Г. Кипнис связывает экспедицию И.А. Токмачева с *издавна жившей в воображении императрицы мыслью двинуть русские войска по стопам Александра Македонского* [6, с. 21]. Сомнительно, чтобы Екатерина II преследовала столь далекоидущие цели уже в 1763 г. Однако в 1779 г., после смерти Керим-хана, внутриполитическая ситуация в Персии резко обострилась по причине борьбы за власть между его родственниками, сопровождавшейся восстанием Ага-Мохаммеда, вождя каждаров, одного из семи туркменского племени, обитавших в Персии. Страна вновь впала в состояние политического хаоса. Как писали современники: *его* [шаха – В.Б.] *смерть опять погрузила его страну в бедствия… После сего времени совместники захватывают провинцию, народ подавлен, вельможи раззорены, и цветущая Персия представляет одне обагренные кровию развалины; печальное и страшное зрелище, какое почти всегда можно видеть после сильных потрясений великой нации!* [7].

К тому времени значительное влияние на внешнюю политику в отношении Турции и Персии стал оказывать князь Г.А. Потёмкин, в 1776 г. назначенный одновременно Новороссийским, Азовским и Астраханским генерал-губернатором (с 1784 г. также генерал-фельдмаршалом и Президентом военной коллегии). Потёмкин предложил увязать присоединение Крыма к России (осуществлено в 1783 г.) с образованием полувассального ханства на территории Персии, а именно, создать здесь для бывшего Крымского хана Шагин-Гирея ханство; кроме того, он рассчитывал расширить пределы Грузии и основать независимое армянское государство. Екатерина II серьезно отнеслась к этому предложению. Проект Потёмкина по персидским делам, включающий заключение договора, *в коем распоряжены будут наши приобретения, границы Ираклиева царства, состояние независимых областей Армянской и другой, из побережья Каспийского учреждаемой; сверх того… выговорены будут торговые и иные выгоды* изложен, в частности, в письме генерал-майора А.А. Безбородко [11, с. 231], единственного докладчика императрицы по внешнеполитическим делам (упомянутая в проекте идея заселить армянами присоединяемые к России южнокаспийские области принадлежит еще Петру I). Важной составляющей частью плана должно было стать присутствие русского военного флота на южном Каспии.

Официальной целью готовившейся военно-морской экспедиции в Каспийском море было всего лишь стремление способствовать развитию российской коммерции. Нарушение мировых торговых путей в ходе “Американской войны” – восстания английских колоний в Северной Америке, в которую оказалась втянута большая часть морских держав, привело к тому, что индийские купцы стали искать новых путей сбыта товаров в Европу и, проехав через Бухару и Хиву, появились на ярмарках Оренбурга. Это подало правительству мысль основать торговую факторию на восточном берегу Каспийского моря (к чему давно призывали Петербург кочующие у берега туркмены, видимо, надеявшиеся на увеличение доходов за счет грабежей и поборов с проходящих по их землям караванов). Следует заметить, что правительство не было совсем неискренним: коммерческие и территориальные вопросы при проведении колониальной политики не могут быть резко разграничены. В ходе экспедиции М.И. Войнович не упускал возможности изучить способы поощрения русской торговли на Каспии: например, в 1782 г. он переслал вице-президенту Адмиралтейской коллегии И.Г. Чернышеву из

[1] РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 135, л. 160–162.

Астрахани *дощечки с показанием пород персидских деревьев*[2].

План проведения экспедиции был принят в 1780 г., однако кандидатура командира была выбрана не сразу. 24 августа 1780 г. командиру Астраханского порта капитану 2 ранга И.П. Баллею был дан приказ *об отдаче Астраханской флотилии которую, снабдив всем, чем только для походу надобно, в команду и распоряжение, кому от г-на генерал-губернатора князя Григория Александровича Потемкина приказано будет*[3]. 26 сентября Баллей рапортует, что он сумел вооружить 3 фрегата, бомбардирское судно, 7 палубных ботов, заготовить для эскадры провианта на 1 год и передает флотилию "Марке Войничу". Но по причине осенних штормов выходить в море было уже поздно, и экспедицию перенесли на 1781 г. Баллей был вызван в Петербург, а на время его отлучки командование Астраханским портом принял капитан-лейтенант Никита Баскаков. Вызов Баллея в Петербург был связан с тем, что Адмиралтейская коллегия сделала попытку рационализировать заготовку провианта, учтя местную специфику: положенный морякам квас из-за жаркого климата быстро портился; кроме того, в Астрахани не имелось и входивших в морской рацион обычных для Балтики продуктов – свинины и трески. По предложению Баллея Коллегия решилась заменить квас смесью красного кизлярского вина[4] с водой и выдавать по две чарки в день (256 г.); а за неимением трески и свинины покупать *мелкую сухую рыбу, как то сазан и судак*[5].

Начальником экспедиции был выбран Марк Иванович Войнович[6]. Граф, серб по национальности, он был принят на русскую службу мичманом 29 марта 1770 г. и сразу произведён в лейтенанты на корабль "Св. Георгий Победоносец", отправляющийся в Архипелаг (Эгейское море) в составе эскадры контр-адмирала И.Н. Арфа. В 1771 г. Войнович участвовал в нападении на Митилену (крепость на острове Лесбос) в составе эскадры адмирала Г.А. Спиридова. Заслужив доверие начальства, он получил в свое командование 16-пушечный фрегат "Слава", купленный в Архипелаге, и участвовал в блокаде Дарданелл; зимой 1771/1772 гг. он служил временным заместителем Спиридова и отвечал за управление оккупированными территориями [15]. В 1772 г., находясь в крейсерстве у берегов Малой Азии, М.И. Войнович захватил 3 турецких торговых судна и 10 сжёг. Командуя небольшим отрядом судов, под начальством капитана 1 ранга М.Т. Коняева он участвовал в Патрасском бою 26 и 29 октября 1772 г. В 1773 г. Войнович крейсировал у берегов Сирии и Египта, был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. В 1774 г. он участвовал во взятии Бейрута и произведен в капитан-лейтенанты; в следующем году плавал через проливы (Дарданеллы и Босфор) в Крым и обратно. Отличия М.И. Войновича в русско-турецкой войне 1768–1774 г. заслужили ему милость в глазах Екатерины II, и, вернувшись в Кронштадт, он *находился на шлюпке Ее Величества*; а в 1777 г. командуя фрегатом "Св. Марк" плавал с придворными яхтами к Берёзовым островам встречать шведского короля Густава III. При назначении командиром готовящейся на Каспийском море экспедиции 1 января 1781 г. Войнович был произведен в капитаны 2 ранга.

Полученный Войновичем от Адмиралтейской коллегии указ гласил: осмотреть залив Огурчинский, так как именно на него указывали туркмены как на удобное место для основания русской колонии. Если местность окажется неудобной, идти в Персию и уговаривать *тамошних ханов к добровольной уступке удобного к таковому заведению места* [5, с. 8]. Потёмкин лично особым указанием потребовал выделить два бота и описать *Балкаский и Карабугавский заливы* (то есть Балханский залив, внутренний залив в пределах Красноводского и Кара-Богаз-Гол)*, где до сего времени ни один еще мореплаватель не бывал* [5, С. 374]. Предстояло исследовать древнее и новое течение Узбоя (в инструкции река названа *Уксусом*, от античного *Оксус*) и разведать о соединении Каспийского моря с Аральским, а также делать *разные наблюдения, касательно до физики и истории натуральной*. Для выполнения последней задачи к экспедиции по приказу Потёмкина был прикомандирован титулярный советник, корреспондент Академии наук Карл-Людвиг Иванович Габлиц (1752–1821).

В состав флотилии входили бомбардирский корабль (капитан-лейтенант Козьма Бардаков,

---

[2] РГА ВМФ, ф. 172 (Дела графа Чернышева), оп. 1, д. 64.

[3] РГА ВМФ, ф. 212., канц 2 отд., д. 44 (о хождении по Каспийскому морю астраханской флотилии… с 779 по 783 год…), л. 225.

[4] Покупная цена 60–70 копеек за ведро (около 12 л.).

[5] РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 44, л. 239.

[6] Послужной список Войновича см.: Общий морской список. Ч. 3, СПб, 1890. С. 315–317. Некоторые русские исследователи называют Войновича авантюристом, присвоившим титул графа; впрочем, они не подкрепляют свои обвинения никакими доводами. Существует ряд статей о М.И. Войновиче на сербском языке, важнейшие из них принадлежат Бериславу Висковичу, Иосифу Голомбеку, Игнатию Злотковичу, Саве Накиченовичу. В этих статьях раскрыта родословная М.И. Войновича, но их изложение обстоятельств службы графа в России основано на русских источниках и представляет собой пересказ работ Соколова, Тарле и статей из энциклопедических словарей.

штурман подпоруческого ранга Андрей Голов, подштурман Григорий Рожнов)[7] и три фрегата: фрегат № 1 (капитан-лейтенант Никита Баскаков, штурман ранга подпоручика Василий Воронов, унтер-офицерского ранга Гаврила Трубицын, подштурман Пётр Трухин); фрегат № 2 (капитан-лейтенант Григорий Киленин, штурман ранга подпоручика Фёдор Ирдебсин[8], подштурман Тимофей Парыгин); фрегат № 3 (капитан-лейтенант Андрей Денисов, штурман ранга подпоручика Иван Дуверов, подпрапорщика – Илья Углов), а также два палубных бота. На кораблях имелись лоты, диплоты (до 30 футов), *компасы ординарные в медных корпусах, висячий компас в деревянном корпусе, пелькомпасы* и другие навигационные инструменты; экспедиция была снабжена гравированными морскими картами: так, на бомбардирском корабле получили *карт печатных каспийского моря* 2 и *атлас каспийского моря ветхий* 1[9]. Есть все основания полагать, что под "ветхим атласом" подразумевается Атлас Каспийского моря, опубликованный Ф.И. Соймоновым в 1731 г., а под "печатными картами" – английская карта Каспийского моря Вудруфа 1753 г.

Возникает закономерный вопрос: почему Войнович не получил рукописных карт Токмачева, и фактически был вынужден повторять его съемки берега современного Туркменистана? Ответ на этот вопрос можно найти в обзоре карт Каспийского моря А.П. Соколова: *в конце 1766 г. все карты и журналы описей Каспийского моря переданы в распоряжение Нагаева. Обременённый множеством разнообразных дел, расстроенный пожаром в его доме, Нагаев приготовлял карту Каспийского моря, но скончался в 1780 г., не успев сделать ее. Уже в 1793 г. по материалам, оставшимся после него,… составлена генеральная карта Каспийского моря* [14]. Значит, подготовка карт для экспедиции была затруднена смертью А.И. Нагаева, случившейся в том же году.

Инструкция по проведению гидрографических работ, данная коллегией графу 10 сентября 1780 г., во многом повторяла положения инструкции, данной С.П. Хметевскому 16 апреля 1779 г. при отправлении его в крейсирование в рамках проведения политики вооруженного нейтралитета. М.И. Войнович конкретизировал отдельные ее положения в своей инструкции, данной капитанам фрегатов, пункт 4 которой гласит: *при благополучных ветрах наблюдать с большою точностию счисления переплываемого пути в параллель берегов их вид, оного привязывая к нему* [берегу – В.Б.], *сколько безопасность судна дозволять может, привязывая к плаванию своему пеленгами все знатные по берегу места; и потом ничто так не может быть и удобно, как исследование о склонении магнитной стрелки, ибо мы находиться будем около одних мест, то извольте столь часто, сколь ясность неба позволять может, делать обсервации амплитудов, азимутов и полуденных высот солнца в разные времена, которые будучи снесены, сличены и соображены все вместе, неминуемо довольную точность откроют; сверх же того иметь вам данные для примечания теплоты и стужи термометров два: одно повесить в каюте, а другое на шканцах; также при удобных местах стараться узнать о течении моря. Все сие делать вам как можно не опуская ни малейшего случая, и записывать в журнал примечанием и объяснением, и по возвращении к своему порту подать ко мне сверх обыкновенных особые краткие выписки, а где будут учинены промеры или вновь точнейшая опись, тому и карты*[10].

Наиболее полно ход экспедиции описан в статье крупнейшего исследователя русской гидрографии А.П. Соколова [14, с. 227–236]. Однако эту экспедицию считают незначительным эпизодом в истории картографирования берегов Каспия, поскольку ее известные до последнего времени результаты ограничиваются изданием небольшой гравированной карты Каспийского моря в приложении к частично опубликованным К.Л. Габлицем (о нем речь пойдет ниже) журналам экспедиции [5]. Так, А.П. Соколов включает карту Габлица в свой перечень карт Каспийского моря XVIII–XIX вв., уточняя при этом, что она *по ограниченности масштаба и по незначительности изменений не стоит морского внимания* [13]. Но из дел Адмиралтейской коллегии мы узнаем, что рукописные карты, составленные Войновичем, существовали. В рапорте коллегии от 17 ноября 1782 г.[11] Войнович пишет: *при сем имею честь представить Государственной Адмиралтейской коллегии … Генеральную поверенную и в новь переправленную Каспийского моря карту, по которой надежное плавание иметь можно, равным образом планы Астрабатского и Бакинского залива.*[4, л. 189]. Коллегия своим решением передала карту в Чертёжную. Карты Войновича активно использовались на русском флоте. Например, учрежденная в Кронштадте комиссия под руководством адмирала С.К. Грейга сличала

[7] В скобках имена лиц, которые по своей должности имели отношение к съемкам и составлению карт.

[8] Фамилия в рукописи неразборчива и может быть приведена неточно.

[9] РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 44, л. 292 об.

[10] Там же, л. 272.

[11] Даты даны по старому стилю.

журналы кораблей каспийской эскадры именно с картами Войновича. Рассматривая журналы плавания 1783 г. фрегата № 1, комиссия пришла к выводу, что разницу в счислении следует объяснить существованием морского течения[12].

Но уже в XIX в. следы карт Войновича оказались утеряны. В описании дел архива Морского Министерства в деле № 3553 под названием *предоставление Войновичем журналов, протоколов и сигнальных книг, генеральной исправленной карты Каспийского моря и планов Астрабадского и Бакинского заливов* имеется примечание: *протоколов, журналов, карт и планов нет*[13].

К счастью, сохранились рукописные карты, составленные М.И. Войновичем. Три из них, входившие в состав коллекции карт вице-президента Адмиралтейской коллегии графа И.Г. Чернышева, были подшиты в сборный атлас рукописных карт XVIII в. А.Д. Чертковым, одним из фондообразователей Государственного Исторического музея [8, с. 146–160], и хранятся в Отделе картографии ГИМ под инвентарными номерами ГО-1882/63, ГО-1882/64 и ГО-1882/66. Это *Карта плоская Каспийского моря, сочиненная по прежним описям, поверенная и переправленная разными вновь дополнениями* масштаба 4½ немецкой мили в дюйме (около 1:1 280 000); *План Астрабадского залива на Каспийском море. Описан и вымерен в бытность российской эскадры под командою флота капитана и кавалера Войновича в 1781 году* масштаба 4 версты в дюйме (1:126 000) и *План Бакинского порта, описан и вымерен в бытность там российской эскадры в 1782 году* масштаба 500 саженей в дюйме (1:42 000). Подписи на картах выполнены тем же почерком, что и хранящиеся в РГА ВМФ отчеты Войновича Адмиралтейской коллегии. В связи с этим история экспедиции будет рассмотрена подробнее.

Эскадра подняла якоря 29 июня 1781 г. и, с трудом перейдя бар и мели волжского устья, вышла в Каспийское море. Лучшей гаванью на южном берегу Каспия считался Астрабадский залив (ныне Астрабад называется Горган), отделённый от моря узкой косой. Этот пункт стал одной из первых целей экспедиции. По прибытии в залив со всех эскадренных судов были посланы штурманы для подробной описи и плана. Моряки вышли на берег и определили широту в $36^{0}40'$ (ошибка приблизительно 10').

По контрасту с полупустынями северного Прикаспия Астрабадский залив показался участникам экспедиции райским местом. В море водились белуга, осетры и севрюга. От самой воды начинался густой лиственный лес, где произрастали переплетенные лианами дубы, ильмы, вязы, буки, клёны, чинары, самшит, смоквы, дикие гранаты и грецкий орех. Плотность населения здесь была невелика, в лесах встречалось множество диких зверей: тигры, медведи, волки, гиены и олени[14]. На горизонте панораму замыкала цепь высоких гор Эльбурса (по словам Габлица, *весь означенный берег имеет вообще наиприятнейший вид, и горы оные служат к наивящшему его украшению*) [5, С. 26]. К западу простирались обширные поля, *испещренные разными цветами и благовонными травами* [там же, с. 27]. Не удивительно, что именно здесь ранее была расположена летняя резиденция шаха Ашраф[15] со *множеством увеселительных замков со службами и обширных, фонтанами, каскадами и из разных мест вывезенными деревьями украшенных садов, по горам разбросанных и различным образом на азиатский вкус расположенных*. Впрочем, ко времени прибытия экспедиции дворцы были опустошены и заброшены.

Моряки построили береговые укрепления; перевезя с кораблей 18 6-фунтовых пушек, соорудили артиллерийскую батарею, построили лазарет и баню. Эскадра провела в заливе всю зиму, кренгуя корабли, причем благодатный климат не переставал удивлять. *Леса не прежде лишились украшавшей их зелени, как только под исход декабря; а в конце января начали опять цвести разные вешние цветы, как то: гиацинты, нарциссы, фиалки и сим подобные. Пресмыкающиеся не скрывались совсем в продолжении всех трех оных месяцев, и по полям летали беспрерывно разные породы бабочек*. В первых числах марта начали цвести и деревья, и *воздух напоен был по утрам и вечерам наиприятнейшим от того благоуханием, которое и на эскадренных судах чувствуемого было* [там же, с. 45–48].

По мнению офицеров, Астрабад оказался идеальным местом для основания русской колонии не только с точки зрения удобства гавани и исключительно здорового климата, но также и имея в виду возможности развития русской коммерции: фактически город служил торговым центром всей северо-восточной Персии, и отсюда шли

[12] Рапорт Адмиралтейской коллегии от 24 апреля. РГА ВМФ, ф. 212, канц. II отд., 1784 г. д. 45, л. 273.

[13] Описание дел архива Морского Министерства. Т. VIII, СПб, 1898, С. 433.

[14] О встрече с тиграми в этих краях в 1863 г. сообщает Арминий Вамбери в своём "Путешествии по Средней Азии" (первая публикация в Лондоне в 1864 г.).

[15] Экспедиция установила, что на карте Каспийского моря Ф.И. Соймонова спутаны Ашраф и Фарабад.

торговые пути к Индии через Ормузский пролив и через Афганистан.

Для политической легитимации создания колонии Войнович вступил в переговоры с ханом Ага-Мохаммедом, который впоследствии прославился как один из самых жестоких правителей в истории Персии. Ага-Мохаммеду удалось бежать из Шираза (бывшего в то время столицей), где зендиды держали его в качестве заложника, в Мазендаран, где он и возглавил восстание туркменского племени каджаров. В 1781 г. против него выступил племянник покойного Керим-хана Али-Мурад, чьи войска в момент прибытия Войновича стояли под Казвином. Находясь в непростом положении, в сентябре Ага-Мохаммед согласился уступить России землю на берегу Астрабадского залива в обмен за союз. Но вскоре он изменил мнение и приказал местным властям, к которым Войнович часто ездил в гости, стремясь поддерживать с ними дружеские отношения, захватить капитана в плен. 15 декабря Войновича пригласили в деревню, находившуюся в 10 верстах от берега; внезапно он был окружен войсками и взят в плен. Одновременно были захвачены 50 матросов, вышедших из лагеря для рубки дров.

Офицеры были связаны, и на них надели колодки. По словам одного из пленников, лейтенанта Рединга, *сколько ни жалостно было состояние всех нас и болезнено до крайнего мучения, однако состояние графа Войновича было действительно всех горестнее; ибо сверх равного с нами с телесной муке страдания преимущественно терзался он признанием единственно себя самого виною всему несчастному приключению, а наипаче рвался, воображая ту страшную разность, которую сделал он в участи своей чрез сие падение* [14]. Ага-Мохаммед потребовал от русских уничтожить строения и покинуть залив. После некоторых колебаний Войнович согласился бросить береговые укрепления; пушки были свезены на корабли. Пленных матросов отпустили, но офицеров держали в плену до 2 января, перевезя их в резиденцию Ага-Мохаммеда Сари[16]. Обращались с Войновичем вежливо, хан даже брал его с собой на охоту, извинялся, утверждал, что лично он стоит за союз с Россией, но не может противиться настроениям местных жителей. Последнее утверждение может быть не совсем ложным: во всяком случае, отпущенные русские офицеры вынуждены были сначала спрятаться от окружавшей их враждебной толпы у одного из местных старейшин.

[16] Сари расположен в 50 км к западу от Астрабада.

Некоторое время Войнович со своей эскадрой ожидал у Астрабада инструкций из Петербурга. Дела Ага-Мохаммеда шли с переменным успехом, и он неоднократно присылал к Войновичу послов со словами раскаяния и предложением союза, предоставляя землю для возведения базы. Наконец, из Петербурга пришел ответ: *Российский Двор с ханом, по его вероломству, ни в какие дела более входить не может, и чтоб за учинённый им гнусный поступок* [захват Войновича] *он ожидал должного в свое время возмездия*.

Как следует из писем Войновича Чернышеву, он считал вице-президента своим покровителем. Например, в письме от 4 июля 1782 г. из Астрабадского залива Войнович просил помочь в кадровом вопросе, сообщая, что не может обойтись без Баскакова, которого произвели в капитаны и должны были перевести из флотилии, так как он *кроме добропорядочного поведения, имеет все нужные об обстоятельствах здешних сведения, и приобык уже обращаться со здешними народами*; одновременно жаловался на капитан-лейтенанта Бардакова, который *закоснел в пороках, а особливо в пьянстве*, и просил Чернышева *как благодетеля моего меня от него избавить*[17]. Эта просьба не осталась напрасной: Баскакова уговорили остаться, а Бардакова, заменив на Филиппа Марацо, грека на русской службе, вызвали в Петербург, где поместили под присмотр адмирала С.К. Грейга.

Покинув берега Персии 8 июля, эскадра направилась для описи юго-восточного берега моря. Были исследованы Балханский и Красноводский заливы, а также остров Огурчинский[18]. Габлиц обратил внимание на частые перемены береговой линии Каспийского моря и высказал предположение, что, поскольку Каспий представляет собой озеро, они могут быть вызваны сгонно-нагонными ветрами. Опись Войновича близка к описи английского капитана Вудрофа 1743 г. [16][19]. Хотя переговоры с туркменскими старейшинами не сопровождались такими эксцессами, как в Астрабаде, берег был найден неподходящим для основания колонии. Безводные и бесплодные земли, солончаки, скудная растительность представляли резкий контраст с ландшафтом в Персии. Местные обитатели, известные своими морскими разбоями, занимались также сбором нефти, битума и соли для поставки в Персию и Хиву. Залив Кара-Богаз-Гол остался не описанным по недостатку

[17] РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 44, л. 400.

[18] Согласно Габлицу, название острова происходит от слова огурджалы, то есть “морские разбойники”.

[19] Карта была издана в 1753 г., но В.Н. Татищев уже в 1745 г. имел ее рукописный вариант.

времени, так как Войнович должен был успеть выполнить свою миссию в Баку, лежащем на противоположном берегу моря.

Эскадра подошла к острову Жилому 24 июля. Здесь стоял запах нефти, а на поверхности воды плавали нефтяные пятна. На острове не нашлось ни пресной воды, ни леса: рос только тамариск гребенщик (*Tamarix Gallica L.*) и солончаковая растительность; в воздухе кружили бакланы, а из зверей обитали только тюлени.

Согласно инструкции, в Баку М.И. Войнович должен был поддержать русское влияние и заставить хана Фетх Али[20], соблюдая трактаты 1732 и 1735 гг., освободить русских купцов от уплаты пошлин. Описанный эскадрой Бакинский залив не произвел на моряков столь благоприятного впечатления, как Астрабадский. Здешний климат был хуже, и среди экипажа начались болезни. *Вид Бакинского залива не имеет ничего из тех приятностей, кои на Астрабадском примечены. Он весь бесплоден и состоит из разнородных голых каменистых гор посредственной величины и глинистой, а местами и песчаной земли, на которой нигде никакой зелени не встречается.* Единственная достопримечательность здесь – то, что некоторые *камни имеют весьма приметный вид, а особливо лежащие к юго-западу при входе в залив, кои отменным образом раздвоились и от простых российских мореплавателей Бакинскими ушами именуются* [5, с. 102]. Для демонстрации силы эскадра, находясь на рейде в Бакинском заливе, 26 июля произвела салют из 11 пушек, в знак того, что 59 лет назад этот город принес присягу Петру I. Переговоры оказались успешными, Фетх Али вернул русским купцам конфискованные у них товары и деньги.

На обратном пути 30/31 августа эскадра попала в шторм, во 2-м фрегате открылась течь: вода прибывала со скоростью 2 дюйма в час. После шторма 3–5 сентября в еще худшем положении оказался бомбардирский корабль, где 4 помпы не справлялись с откачиванием воды, и экипаж взялся за ведра. Течь удалось обнаружить, частично законопатить, покрыть салом с золой, и 9 сентября корабли благополучно перешли через бар и мелководья волжского устья. На следующий год М.И. Войнович снова собирался идти в Астрабад *для учреждения селения на занятых здесь местах... с коими пошлются и купецкие суда для открытия здесь торговли*[21], но был отозван Потёмкиным в Петербург с отчетом. Со времени экспедиции Войновича Каспийская флотилия, ежегодно выходя в море, отряжала небольшую эскадру для крейсирования в районе Астрабада.

Деятельность М.И. Войновича был одобрена императрицей, и она не только высказала ему свою благодарность (переданную Потёмкиным), но и подарила перстень. Адмиралтейская коллегия официально объявила благодарность Войновичу словами: *сие приемлет с удовольствием, видя, что подчиненные ее получают за их усердие и ревность к службе таковое монаршее благоволение, за что ему и прочим находящимся в его команде штаб-офицерам и служителям объявить удовольствие*[22]. Коллегия утвердила все предложения Войновича по снабжению флота продовольствием: заготавливать лишь то, что нельзя достать в Персии (горох, гречку, сливочное масло, уксус), а против цинги квасить капусту с можжевеловой ягодой и анисом. Войнович действительно добился успеха, не допустив распространения болезней среди экипажа, от чего сильно страдали предыдущие экспедиции на Каспии; хотя этот результат во многом обязан благодатному климату Астрабада.

Уезжая в 1782 г. из Астрахани в Петербург, Войнович передал командование Каспийской флотилией и задачу основания колонии в Астрабаде Баскакову. Чернышев сомневался, что получивший повышение по службе Баскаков остается на Каспии добровольно, и просил его собственноручно сообщить о своем решении. 13 октября Баскаков написал: *хотя мне и не совместно остаться при оной* (экспедиции) *и руководствовать фрегатом, но отбытие отсюда флота капитана и военного ордена кавалера Войновича по данным ему повелениям в Петербург доставляет мне случай все вверенные ему дела воспринять на себя, что самое мне честь составить* должно[23]. Баскаков, прибыв в Астрабад, провёл переговоры с местными старейшинами, такими, как *персидский Гомза Султан и отец его Ага Раим, его ж брат Кевля Мамет, также и родственник его Мозафер, емутовских трухменцев старшина Сеит Мамет, также из деревни Кардамило Садык Султан и его родственник персиянин Тогомет, и прочие знатные аги и купцы*[24]. Однако ни Баскакову, ни сменившему его 27 июня 1783 г. капитану П.И. Ханыкову не удалось создать военно-

[20] Фетх-Али хан был ханом Дербентским и Кубинским; Бакинское ханство фактически находилось от него в вассальной зависимости. Бакинский хан Хаджи-Мелик Мухаммед хан был его зятем; во время экспедиции он находился в плену у карабахского Ибрагим Джалиль хана. О Фетх-Али хане см.: РГВИА, ф. ВУА, д. 18486, л. 1–44; документ опубликован [1, С. 200–210].

[21] Рапорт Войновича Адмиралтейской коллегии от 5 июля 1782 г.: РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 44, л. 457.

[22] РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 45, л. 42.

[23] РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 44, л. 465.

[24] РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд, д. 45, л. 287.

морскую базу в Астрабаде. В 1800 г. для защиты торговых путей и российских интересов создана морская станция на южном Каспии, но она располагалась у острова Сара[25]. Русская колония в Астрабаде была основана уже в XIX в.

Сторонником активной русской политики в южном Прикаспии был чрезвычайный посол в Персии 1841–1845 гг. Александр Иванович Медем. В 1841 г. на острове Большой Ашур (во время экспедиции Войновича обозначался как "остров Евгений") в Астрабадском заливе была основана русская морская станция и постоянный военно-морской пост. В 1842 г. в Астрабад прибыл капитан 1 ранга Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883 гг.), в эскадре которого были пароходы, что привело в ужас пиратствовавших туркмен, которые не только возместили причиненные ими убытки, но и уничтожили военные лодки. В 1845 г. в Москве была создана торговая компания "Елизарова, Баранова, Ракизова и К°" для торговли с Персией, суда которой ходили в Астрабад.

С 1862 г. между Астраханью и Астрабадом было установлено прямое пароходное сообщение дважды в месяц (пароходное общество "Кавказ и Меркурий"). В 1867 г. Астраханский военно-морской порт был переведен в Баку, а большая часть судов Каспийской флотилии вошла в состав Астрабадской станции, которая и стала главной русской военно-морской базой на Каспийском море. Таким образом, формально оставаясь персидской территорией, Астрабад сделался русской колонией, и не случайно *лучшим зданием в городе было русское консульство* [2]. В память об экспедиции 1781–1782 гг. коса, отделявшая Астрабадский залив от моря, была названа *полуостров Потёмкина* (ныне полуостров Миankале).

Конец существованию русской колонии и военно-морской базы в Астрабаде положил развал Российской империи в 1917−1918 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев Г.Б.* Из истории северо-восточного Азербайджана в 60–80-е гг. XVIII в. Баку, 1958.
2. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 1. СПб, 1894.
3. *Веселаго Ф.Ф., Елагин Е.И.* Материалы для истории русского флота. Т. 1–17, СПб, 1865–1904. (Далее: Материалы), Ч. 9. 1882.
4. Записки гидрографического департамента Морского министерства, Ч.Х. СПб, 1852.
5. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича. Сочинение К.Г. С картою оного моря. Москва, в типографии С. Селивановского, 1809.
6. *Кипнис Б.Г., Гордин М.А.* Строитель империи // Г.А. Потемкин. Воспоминания, дневники, письма. СПб: Изд-во "Пушкинского фонда", 2002.
7. *Лесаж Г.* Исторический, генеалогический, хронологический, географический Атлас / Перевод Шаврова Е. СПб: Акад. наук, 1810–1812.
8. *Маркина Е.Д.* Атрибуция картографических материалов Чертковской библиотеки, хранящихся в отделе картографии ГИМ // Труды ГИМ, вып. 143. Забелинские научные чтения 2003 г. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2004.
9. Общий морской список. Ч.3, СПб, 1890.
10. Описание дел архива Морского Министерства. Т. VIII. СПб, 1898.
11. *Потемкин Г.А.* Воспоминания, дневники, письма. Сост. З.Е. Журавлева. СПб: Изд-во "Пушкинского фонда", 2002.
12. *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном завоеваниях. Ежемесячные сочинения, 1763, генварь.
13. *Соколов Ал.* Описи Каспийского моря с начала осмьнадцатого века по настоящее время // Зап. гидрографического департамента Морского министерства, Ч. Х., СПб, 1852.
14. *Соколов А.П.* Экспедиция графа Войновича к восточному берегу Каспия 1781–1782 г. // Морской сборник. Т. IV. СПб, 1850.
15. *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774 гг.). Л., 1945.
16. A plain chart of the Caspian Sea, according to the observations of Capt. John Elton, Author of "Elton's quadrant", Thomas Woodroof, Master of the British ship "Empress of Russia", who navigated this sea three years, presented to M. Johan Hanway of S. Petersbourgh in 1745.

[25] В 15 км от Ленкорани.